

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

2023-2024 учебный год

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

10 класс

Уважаемый участник Олимпиады!

Вам предстоит выполнить задания Олимпиады. Время выполнения заданий – 270 минут.

Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задания и критерии оценивания;
- обдумайте и сформулируйте ваш ответ;
- не забывайте, что единственно правильного ответа нет – важнее, чтобы ответ соответствовал заданию и критериям, опирался на знание художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а Ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;
- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальная оценка за два задания – 100 баллов.

Желаем Вам успехов!

I. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ поэтического текста (по Вашему выбору).

Максимальное количество баллов – 70.

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

*Выполняя целостный анализ приведенного ниже прозаического текста современного башкирского и российского писателя **К.Ф. Зиганишина**, примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: особенности тематики и проблематики; система персонажей; композиционные приемы и средства художественной выразительности, их роль в раскрытии образов персонажей, выражении авторской позиции; связь произведения с литературными и культурными контекстами; смысл концовки.*

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Камиль Зиганшин

ЛОХМАТЫЙ

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Федор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упершись сильными ногами в широкие свежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал резные наличники на новеньком доме зятя.

Распахнулась дверь, и из нее с шумом вывалились, похохатывая, плотная, во всем похожая на отца, дочь Наталья, следом высокий жилистый зять.

— Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замерзнешь, — выпалила она.

— Да, пора мне, Натаха, — сказал Лапа, кивая на расплющенный между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока еще неухоженный, необжитый двор.

— Лохматый! — властно позвал он собаку и направился к переминавшемуся с ноги на ногу от мороза и нетерпения Гнедко. Ласково похлопал его литой круп. Расправил упряжь. Взбил в санях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в розвальнях, облокотившись на тугой, прикрытый брезентом, мешок муки.

— Бывайте здоровы! Ждем в гости, — крикнул он, чуть обернувшись.

Крупный, с мощным загривком, лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саням и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцой мерина. Миновав поселок и густую сосновую посадку, въехали в березовый с осиною пополам лес. Солнце скрылось за ошестинившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

— А все-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, — подумал Лапа. — Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако, башка у меня с толком, — самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завилыла по стиснутой увалами долине ручья. Сани на покатых ухабах мерно покачивали, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядится выручкой.

Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. “Лентяй или простодыра,”— говорил о таких. Вот и зять тоже хорош! Буровой мастер называется! Цемент не может подкинуть... Тоже мне – порядочный! Тьфу! — сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедко.

Конь тревожно прядал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый, прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря глазами по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню не таясь, открыто!

Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

— Но! Но! Пошел! - сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, хотя тот и без того уже перешел на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, несся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из

темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьем петель огибала высокий, длинный увал. Хорошо знавший окрестности матерый вожак неспешно перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух несли Гнедко.

Лапа, нахлестывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко оставить их в покое. Он чувствовал, что петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался – поселок уже слишком далеко.

— Авось упряжу, – успокоил себя Лапа. И, придерживая вожжи одной рукой, другой нашарил в сене топор.

Неожиданно конь дико всхрапнул и, взметая снег, шарахнулся в сторону – наперерез упряжке вылетела стая. Здоровенный вожак сходу бросился на шею мерина. Еще миг - и тот бы пал с разорванным горлом, но оглобля саданула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Лапа опомнился, схватил и с силой метнул в стаю мешок муки.

Увесистый куль еще не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и растерзали в белое облако. За это время человек успел выправить сани на дорогу.

— Давай! Давай! – осатанело вопил он, нещадно лупцуя мерина кнутом. Обезумев от страха и боли, Гнедко понёсся, стреляя ошметками снега из-под копыт, так споро, что обошел умчавшегося вперед Лохматого.

“Не уж-то оторвемся?” — вспыхнула надежда.

Сани неслись по ухабам то возносясь, то падая. На поворотах наездника бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая. Фёдор Дементьевич ощущал это каждой клеткой тела. Вот вожак, класая зубами, попытался достать не поспевавшего за упряжкой Лохматого, но пес, в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратимо настигая выдыхавшегося коня.

Лапа уже слышал их прерывистое дыхание. Еще немного и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают его на куски. Он сдернул с себя овчинный тулуп и швырнул на дорогу. Звери набросились на него, но, обнаружив обман, возобновили погоню с еще большей яростью.

Человек снимал и кидал в сторону стаи то шапку-ушанку, то рукавицы, но однажды одураченные серые не обращали на них внимания. Разгоряченная преследованием стая, жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к финалу.

Охваченный страхом Федор Дементьевич, не умолкая, иступлено вопил, брызгая слюной, то на коня: “Быстрее, Гнедко, быстрее!”, то, обернувшись назад, устрашающе тряс топором на стаю: “Порублю! Всех порублю!”.

Казалось еще несколько секунд – и матерый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, еще живого на куски...

Мужик затравленно огляделся. В ногах жался Лохматый.

Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнем — вот оно спасение? Живая тварь, кровь — вот, что нужно стае! Он ногой пихнул пса навстречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Все его существо выражало недоумение и обиду.

— Пошел, паскуда, – срываясь на петушиный фальцет, завизжал обезумевший Лапа и нанес сапогом увесистый удар.

Лохматый скособочился, и, сомкнув челюсти, мертвой хваткой, вцепился в борт саней.

Волки были совсем близко. Человек уперся спиной в передок, поджал ноги и ударил по лобастой голове с такой силой, что пес, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснули истошный визг, глухой рык.

“Всё, конец”, — подумал Лапа поёживаясь. В беспощадной памяти остался немигающий, укорительный взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег.

Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как сотрясается от пережитого ужаса и холода все его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх кусок брезента и настороженно вглядывался в удаляющийся непроницаемо-черный лес. Страх постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но, раз за разом, прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно съеживался.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запаленного коня: “Добрый, однако ж, у меня мерин. Другой не сдюжил бы такой гонки”.

Подъезжая по унылой, пустынной улице, к своей красавице-избе за сплошным крашеным забором, расчувствовался: “мог ведь и не увидеть боле”.

Ставни были плотно закрыты. Свет не горел.

— Спит чертовка. Ей-то что, — чертыхнулся Фёдор Дементьевич. Открыл ворота, загремел сапогом по двери.

В доме глухо завозились. Торопливо засеменяли. Лязгнул засов. Дверь приоткрылась. Лапа, не взглянув, прошел мимо исхудалой фигуры в сени. Щелкнул выключателем – темно.

— Лампочка перегорела, Федя, — тихо пояснила жена. Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко натопленной горнице.

— Не думала, что так скоро. Назавтра ждала, — оправдывалась хозяйка.

— Мечи на стол, замерз, — скомандовал муж, опускаясь на табуретку. — Эх, черт, Гнедко-то на улице, — и, нахлобучив старую ушанку, поспешно выскочил.

Распряг и завел мерина в теплое стойло. Накрыл подрагивающие, взмыленные бока попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

— Ешь. Это тебе за справную службу, — Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернул морду.

— Ты чего?...Чего ты?... Эт ты зря! Да если б не Лохматый — нам бы конец! Понимаешь — всем конец! Я спас тебя... Спас! — горячо зашептал, оправдываясь, хозяин. Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону.

“А может и не погибли б?” — неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. Топором саданул одного, глядишь, другим острастка, а то и на порубленного собрата позарились бы”.

От этой простой мысли Федор Дементьевич сник. “Совсем я расклеился. Чего голову морочу... Что сделано, то сделано... сделано правильно”.

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, — он воротился в избу.

Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, муж сел, прижался спиной к теплой, белённой печке и замер.

— Как съездил Федя? Видал молодых-то?

— Видал... Живы - здоровы. Хоромы здоровущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать... Помочь по хозяйству.

— Да у них, поди, у себя в дому работы хватает, — робко возразила супруга.

— Ничего, у себя всегда успеется.

— Мясо-то продал?

— А то! Мясо — не редька, только свистни, — Лапа нашупал заворачивающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана сверток.

— Держи, — развернул он цветастый платок.

— Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. Глянь, как он мне?

— Будя трепаться, - грубовато оборвал муж, шумно хлебая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена еще более оживилась. На губах заиграла несмелая улыбка. Прибирая со стола, обронила:

— Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

— Ложись-ка лучше, сам покормлю. Посмолю заодно перед сном, — торопливо возразил он, — да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько не старался Фёдор Дементьевич заставить себя думать о происшедшем, как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнем.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспаленным взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает темный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъяренной стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Напряженно вслушиваясь в них, он незаметно забылся. И опять стая догоняла, окружала его, неумолимо затягивая живую петлю все туже и туже. В голове возник нарастающий гул. А...а...а...! - заметался Лапа от нестерпимой боли.

— Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? — трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на нее – не мог взять в толк, где находится – все еще жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец, узнал дом, жену.

— Фу ты, — облегченно выдохнул он.

— Чего кричал так, Федя? — допытывалась встревоженная супруга.

— Мясца видать переел. Мутит. Не доварила верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жесткую ладонь на его голове. Лапа осторожно убрал ее на подушку. Сон не шел. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чем-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом.

С щемящей тоской вспомнилось, как принес его, еще безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растет сильный, не признающий чужих, страж усадьбы. Как преданно сияли его глаза, как ликовал, суматошно прыгал, захлебывался счастливым лаем, встречая с работы; с какой готовностью исполнял все его желания.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпер дверь.

У крыльца из предрассветной мглы проступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в клочья шерсть.

— Лохматый?! Ты?! Не может быть...

Острая боль пронзила затылок и перед помутневшим взором Лапы закрутились десятки истерзанных псов. Ноги подкосились, и человек рухнул лицом в снег.

г. Уфа, май 1986 — д. Салихово, Башкирия, 2008

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Выполняя целостный анализ стихотворения Р.Ф. Казаковой «Писатели, спасатели...», примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: тема и философская проблематика; субъектная структура стихотворения; система образов; особенности его строфической, ритмической, лексико-грамматической и звуковой организации.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Римма Казакова

* * *

Писатели,
спасатели, –
вот тем и хороши, –
сказители,
сказатели,
касатели души.

Как пламя согревальное
в яранге ледяной,
горит душа реальная
за каждую стеной.

Гриппозная,
нервозная,
стервозная,
а все ж –
врачом через морозную
тайгу –
ты к ней идешь.

Болят душа невидимо.
Попробуй, боль поправ,
поправить необидимо,
как правит костоправ.

Как трудно с ним, трагическим,
неловким, словно лом,
тончайшим, хирургическим,
капризным ремеслом.

Чертовская работочка:
тут вопли, там хула...
Но первый крик ребеночка -
святая похвала.

На то мы руки пачкаем,
скорбим при ночнике,
чтоб шевельнул он пальчиком
на розовой ноге.

1974 – 1975 (?)

II. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Сегодня большое внимание уделяется развитию туристических кластеров. Опишите один экскурсионный маршрут по любому городу или иному населенному пункту, в котором происходит действие одного из произведений русской литературы XVIII-XX вв. (по Вашему выбору). Обязательно укажите название населенного пункта, по которому Вы проложите свой экскурсионный маршрут, название выбранного Вами литературного произведения и его автора.

Ваш экскурсионный маршрут может представлять собой фрагмент из справочника для путешественников, текст для аудиогuida или guida с описанием мест, связанных с героями и событиями выбранного Вами литературного произведения, музейных экспонатов, советами путешественникам и т.д. Таким образом, адекватными жанрами для Вашей творческой работы будут путевой очерк, путевая зарисовка или зарисовка музейного экспоната, заочная экскурсия.

При составлении текста учитывайте речевой колорит воспроизводимой в литературном произведении эпохи и характерные для нее историко-культурные и бытовые реалии.

Примерный объем творческой работы – 450-500 слов (1,5 страницы).

Максимальное количество баллов – 30.